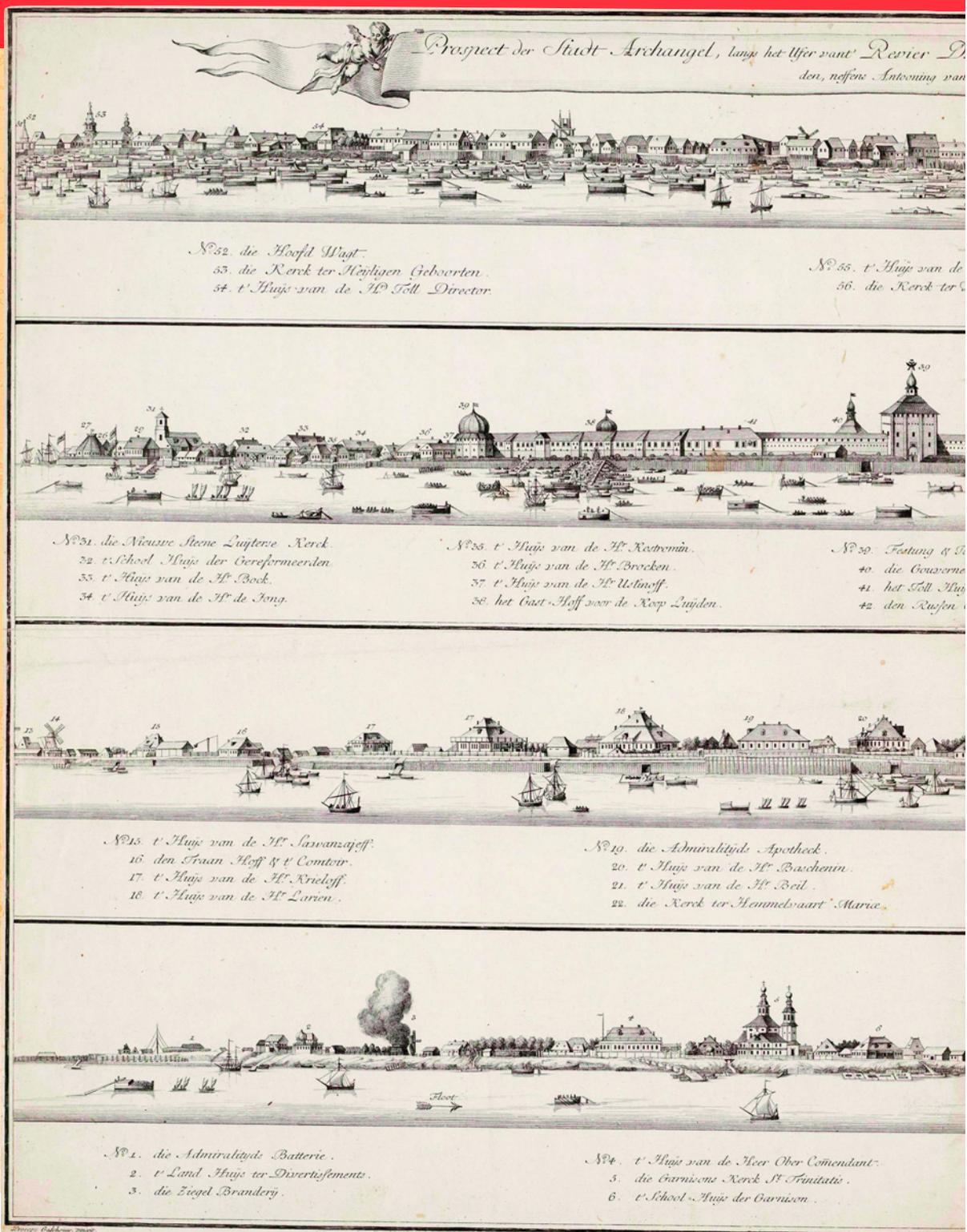

СЪВЕРШИ Архангелогородский

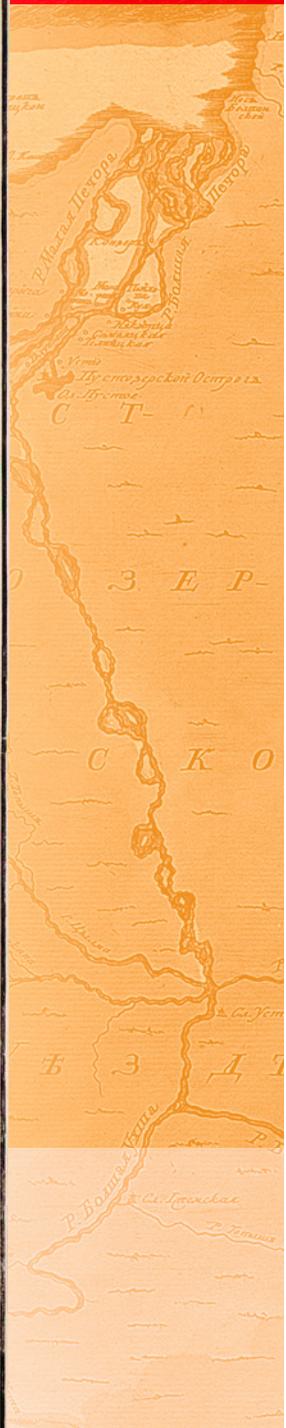
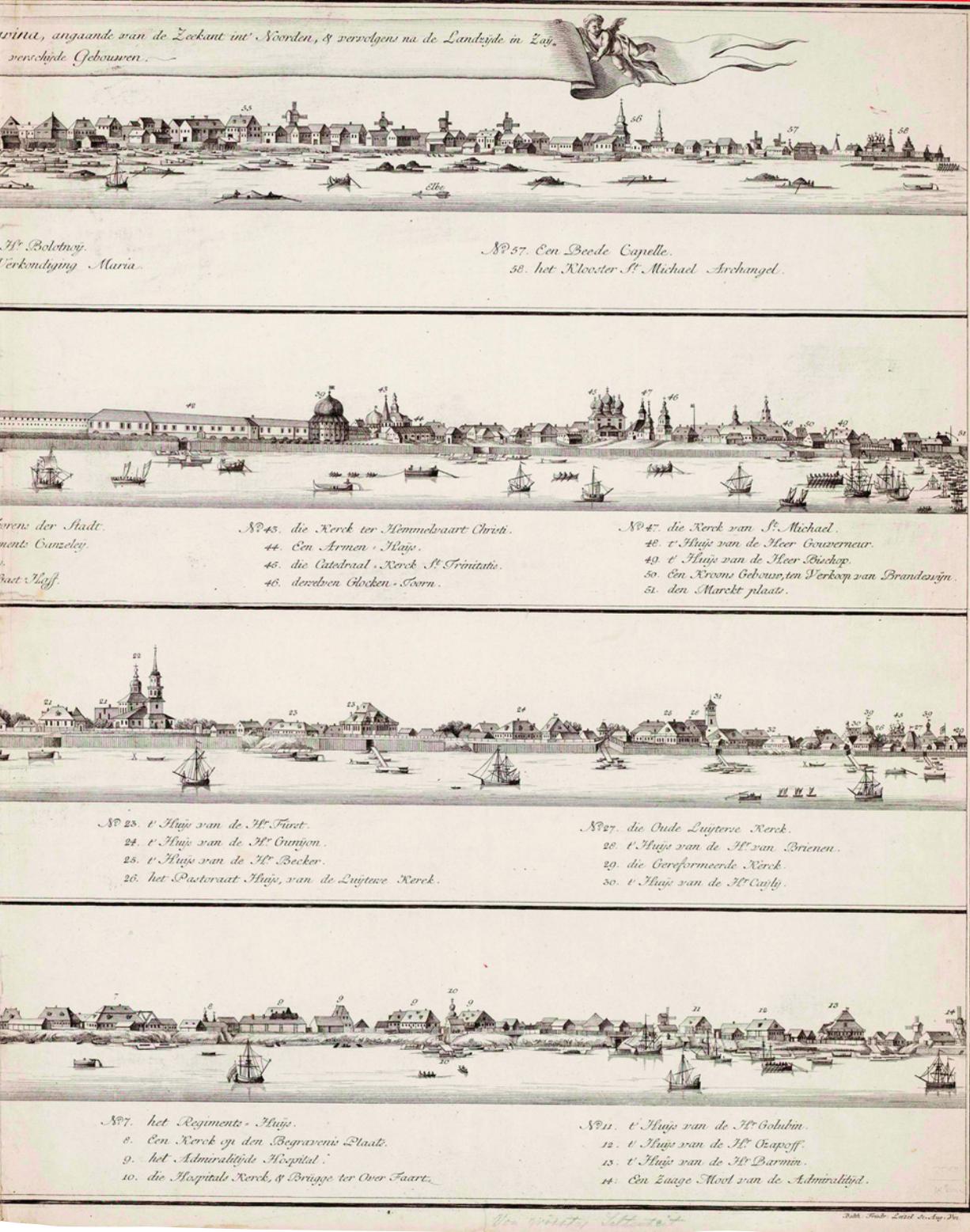
рудознатец Федор Прядунов

Архангельск
в 1790 году.
Библиотека
Брюссельского
свободного
университета,
Брюссель,
Бельгия.

Судьба первого российского нефтезаводчика

Александр Попов

Достоверный облик Федора Прядунова неизвестен. Портрет работы ухтинского художника Владимира Маслова – лишь предположение, каким мог быть архангелогородский рудоискатель и первый нефтезаводчик России Федор Савельевич Прядунов. Художник попытался воссоздать каргопольский генотип: человек невысокого роста, крепкий в кости, полный достоинства и, при этом, чуть с хитринкой.

Екатерининская бухта →
Северного Ледовитого океана.
Худ. Александр Алексеевич Борисов. 1914 г.
Мурманский краеведческий музей, Мурманск.

В 1694 году в Каргополе Архангелогородской губернии родился мальчик, крещеный Федором. Семья его отца Савелия Прядунова была бедной, и уже в детстве «от хлебной скудости для пропитания» он был вынужден уйти из дому, прибившись, на свое счастье, к одному из раскольниковых скитов. Не раз в жизни удача будет улыбаться Федору Прядунову, но эта, первая, была судьбоносной. Попав к старообрядцам, высоко чтившим образованность, он выучился грамоте и разным поморским ремеслам, что в будущем выдвинет его в сословие людей образованных, передовых для своего времени.

В двадцать лет Прядунов перебрался в Архангельск, где записался в посад и женился на единоверке Федосье Сергеевне, в браке с которой имел шестерых детей – сыновей Петра, Матвея и Степана и дочерей Анисью, Марию и Матрену. Как и большинство раскольниковых семей, Прядуновы жили в большой нужде – за принадлежность к старообрядчеству полагалось платить осо-

бую подать: по рублю с мужика и по пятьдесят копеек с бабы. Деньги были немалые, и за неуплату налога отец большого семейства не раз попадал в долговую яму.

В 1725 году Прядунов приобщился к горному делу. В поисках заработка он свел компанию с искателями Егором Собинским и Федором Чирцовым, и вместе они отправились с попутным кораблем на беломорский остров Медвежий, надеясь найти серебряные руды. Отец Егора – Матвей Собинский, лучший по тем временам рудознатец Архангельска, рассказывал, что там их должно быть в немалом количестве, и ссылался на монахов Кирилло-Белозерского монастыря, давно промышляющих островное серебро и имеющих на этом немалые прибыли.

Предприятие оказалось удачным, запасы на Медвежьем превосходили самые смелые ожидания и открывали большие перспективы, так как из-за нехватки серебра для печатания денег Государев монетный двор

переживал кризис. Поэтому когда до Санкт-Петербурга докатилась весть о находке поморов, они были затребованы в столицу, где лично были приняты императрицей Анной Иоанновной. Это произошло в феврале 1733 года. Высочайшим указом она отметила заслуги архангелогородских рудознатцев, в том числе и Федора Прядунова. Им были даны государственные привилегии, по тысяче рублей каждому, а также обещано вознаграждение за новые находки и впредь.

Царские деньги архангелогородцы отработали с лихвой. На Медвежьем острове был организован рудник, построены шахты «Орел», «Надежда» и «Дай, Бог, счастья», откуда серебро в течение нескольких лет отменно поступало на монетный двор. Содержала слово и государыня. За открытие залежей серебряных и свинцовых руд рудоискатели еще дважды получали по 1000 рублей. А из серебра, поступившего в державную казну, на Санкт-Петербургском монетном дворе была отчеканена в 1740 году

новая партия рублей с профилем Анны Иоанновны.

Казалось, удача всегда будет верной спутницей Прядунова, только за одно лето нашедшего на Медвежьем острове и «матерой земле», побережье Белого моря, тринадцать выходов серебра. Причем, не раз случалось, что идя вслед за другими

рудоискателями, он открывал руды в тех самых местах, где искали уже не однажды, но ничего не находили. Однако счастливое «серебряное время» закончилось для Прядунова неожиданной трагедией – гибелью старшего сына Петра, которого Федор Савельевич послал с артелью искать серебряные жилы на Новую

Предприятие оказалось удачным, запасы на Медвежьем превосходили самые смелые ожидания и открывали большие перспективы, так как из-за нехватки серебра для печатания денег Государев монетный двор переживал кризис. Поэтому когда до Санкт-Петербурга докатилась весть о находке поморов, они были затребованы в столицу, где лично были приняты императрицей Анной Иоанновной.

Серебряная руда.

Внизу:

1 рубль серебром 1740 года
с профилем императрицы Российской
империи Анны Иоанновны.

Землю. Из-за осенних штормов артельщики не смогли вернуться до холодов и остались зимовать на острове. К весне в живых из десяти человек осталось лишь трое, остальные, в том числе двадцатилетний Петр Прядун, умерли от цинги.

После смерти сына Новую Землю Федор Савельевич невзлюбил, и от идеи разведывать там руды отказался. А чтобы подзаработать, подрядился возить водку, вино, солод, соль и другой товар в Кольский острог. И снова неудача – во время шторма корабль затонул вместе с казенным грузом.

ДОРОГА на ТИМАН

Прядуну было уже пятьдесят, когда он взялся за новое дело – нефтяной промысел. Нефть, как рассказывали архангелогородские рудознатцы, водилась в Пустозерском уезде, на небольшой речке, берущей начало в отрогах Тиманского кряжа, и сливающейся через полтораста верст с Ижмой, притоком Печоры. Местные зыряне прозвали ее Вуква (в современном звучании – Ухта), что означало «скверная вода». Неприятный вкус ей придавала выходящая на поверхность реки нефть, которая, как следует из документов Московской Берг-коллегии, датированных 1724 годом, «идет из земли вскрывъ воду и пловет по воде не-

Поскольку интерес к возможности добывать в отечественных пределах новый продукт – нефть – проявлял сам государь Петр Алексеевич, делу придавалось важное державное значение, были подняты на ноги ученые, медики, архангелогородские губернские власти.

Императрица Анна Иоанновна. С портрета Луи Каравака. 1730 г.
Государственная Третьяковская галерея, Москва.

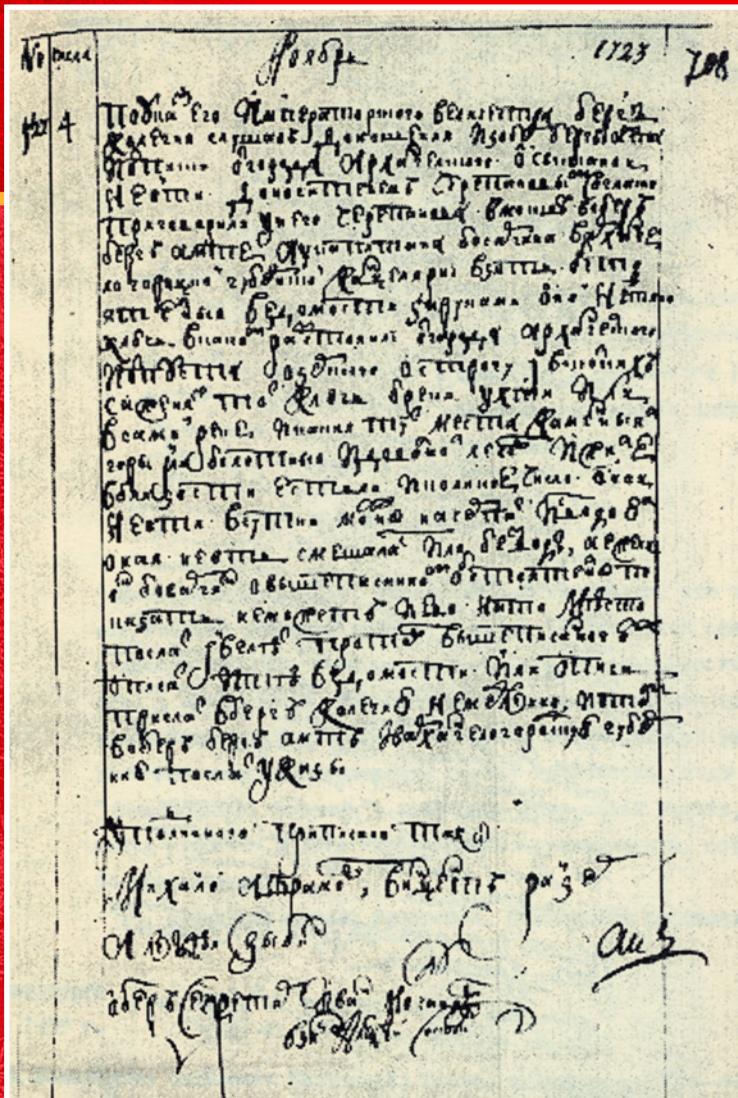
*«Обретающегося в земле в металлах и минералах богатства искать, и заводы в пользу государственную и общую заводить, и пользоваться теми заводами всем свободно»
Из Указа императрицы Анны Иоанновны от 25 мая 1754 года.*

престанию». К этому времени – двадцатым годам XVIII века – относятся и первые попытки добыть на Ухте нефть, «понеже означенного минерала до сего в России во изыскании не было, и оной в заведении состоит первой».

По доношению мезенского рудоискателя Григория Черепанова, сообщавшего о найденном им на реке Ухте нефтяном ключе, и по указу Петра I, горячо поддерживавшего новые идеи, 5 мая 1721 года был издан «приговор» Санкт-Петербургской Берг-коллегии, который гласил «... а невтяной ключ в Пустозерском уезде по Ухти речке

велеть освидетельствовать и учинить из него пробу... а для ево (Черепанова) нужды на прокормление и чтоб он, так же как и прочие, впредь к сысканию руд лутче имели охоту, выдать ему из Берг-коллегии денег шесть рублей».

Вместе с Черепановым на Север была отправлена специальная экспедиция, в которую вошли советники Берг-коллегии Алексей Зыбин и Юрий Нелединский-Мелецкой, а также ассессоры Михаил Аврамов и Герасим Мансуров. Им предписывалось исследовать находку, «учинить из него пробу и по пробе, ежели будет прямая

«Протокол» о слушании Берг-коллегией в ноябре 1723 года доношения архангелогородского рудознатца Григория Черепанова.

Алексеевич, делу придавалось важное державное значение, были подняты на ноги ученые, медики, архангелогородские губернские власти. Берг-коллегии Санкт-Петербурга и Москвы всячески содействовали рудоискателю Черепанову, предоставляя в его распоряжение людей, *«подводы и денег по рассмотрению сколько пристойно»*.

Но, несмотря на льготные условия, дело не пошло. Не вызывало оно интереса и у архангелогородских рудоискателей следующего поколения, к которому относился Прядунов. Прежде всего, из-за сложности. Проблема заключалась в том, как доставить нефть в Архангельск, до которого с Ухты тысячи верст непроходимой тайги. К тому же по Печорскому краю гулял тогда атаман Иван Кириллов «со товарищи», встреча с которым в глухих местах, где на сотни верст не было ни одного селения, не сулила ничего хорошего. Риск же ничем не оправдывался – спроса на нефть в Русском государстве в XVII-XVIII веках не было.

В европейских и арабских странах, где о нефти было известно еще с древности, продукты ее перегонки использовались для

«нефть, то оную освидетельствовать и каким рядом оную производить, будет ли из оного прибыль...».

В результате в Москву, в распоряжение обер-берг-амт – главного горного управления – было доставлено десять ведер первой российской нефти.

Сохранился подробный отчет об этой экспедиции, оформленный как Указ Берг-коллегии от 5 октября 1724 года, в котором описывается процесс нефтедобычи того времени: *«Черепанов с того места нефть брал: сделал кадку и поставил в нефтяной ключ и счертывал ту нефть сверху на воде...»*.

Поскольку интерес к возможности добывать в отечественных пределах новый продукт – нефть – проявлял сам государь Петр

Помор. Рисунок из датского иллюстрированного еженедельника «Illustreret Tidende». 1875 г.

Встреча моряков из команды Виллема Баренца с белым медведем в Мурманском (впоследствии Баренцевом) море. В память об этом происшествии голландский исследователь Северного морского пути назвал остров Медвежий. Иллюстрация из «Морского дневника» участника третьего путешествия Баренца Геррита де Веера, 1598 г.

освещения, а также в качестве топлива, цемента и даже живописных красок.

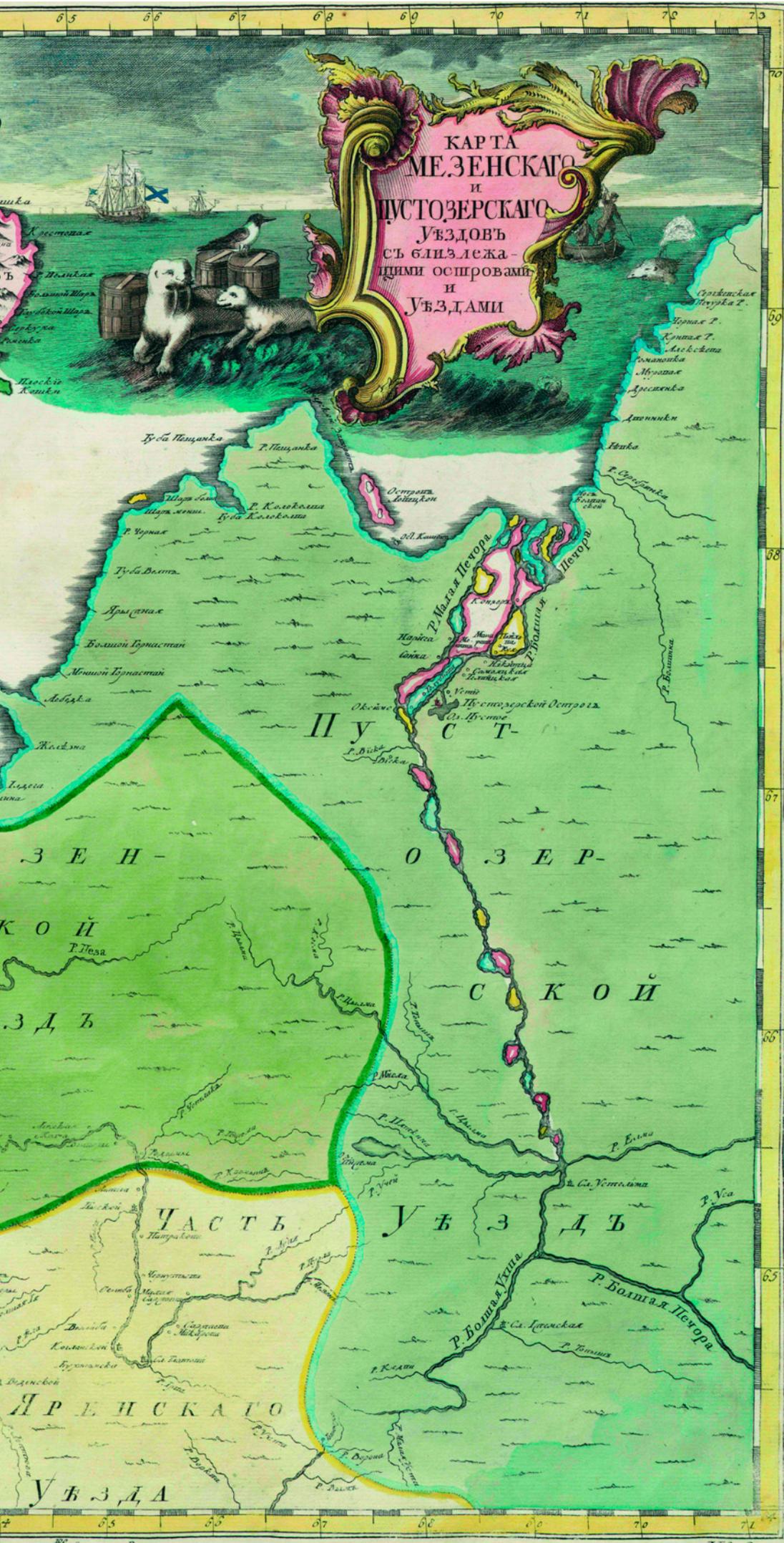
В России же топили дровами, а светили лучинами, восковыми и сальными свечами. В небольших количествах нефть требовалась лишь для изготовления зажигательной

смеси в военном деле и в качестве смазки для колес. Несколько шире она употреблялась в медицине и аптекарском деле – для лечения ломоты в суставах, простуды, озноба, вывихов и общей слабости. Но и здесь спрос был слишком незначителен. Поэтому после

По осени на Ухту ехать было бессмысленно, северные реки стояли подо льдом, и работы были невозможны, поэтому Прядуновы, с Федором Савельевичем поехал и его младший сын Степан, в путь отправились весной. Цель этой экспедиции: убедиться, насколько стоящее дело, много ли нефти можно получить, что из рухляди и утвари нужно везти с собой, а что можно приобрести или изготовить на месте, сколько работников подрядить у зырян, чтобы обустроить промысел.

СѢВЕРНОЙ ОКІАНЪ

Карта Мезенского и Пустозерского уездов с ближайшими островами и уездами Архангелогородской губернии. Из первого официального атласа Российской империи 1745 года. Оригинальная карта гравирована на меди и раскрашена вручную акварелью.

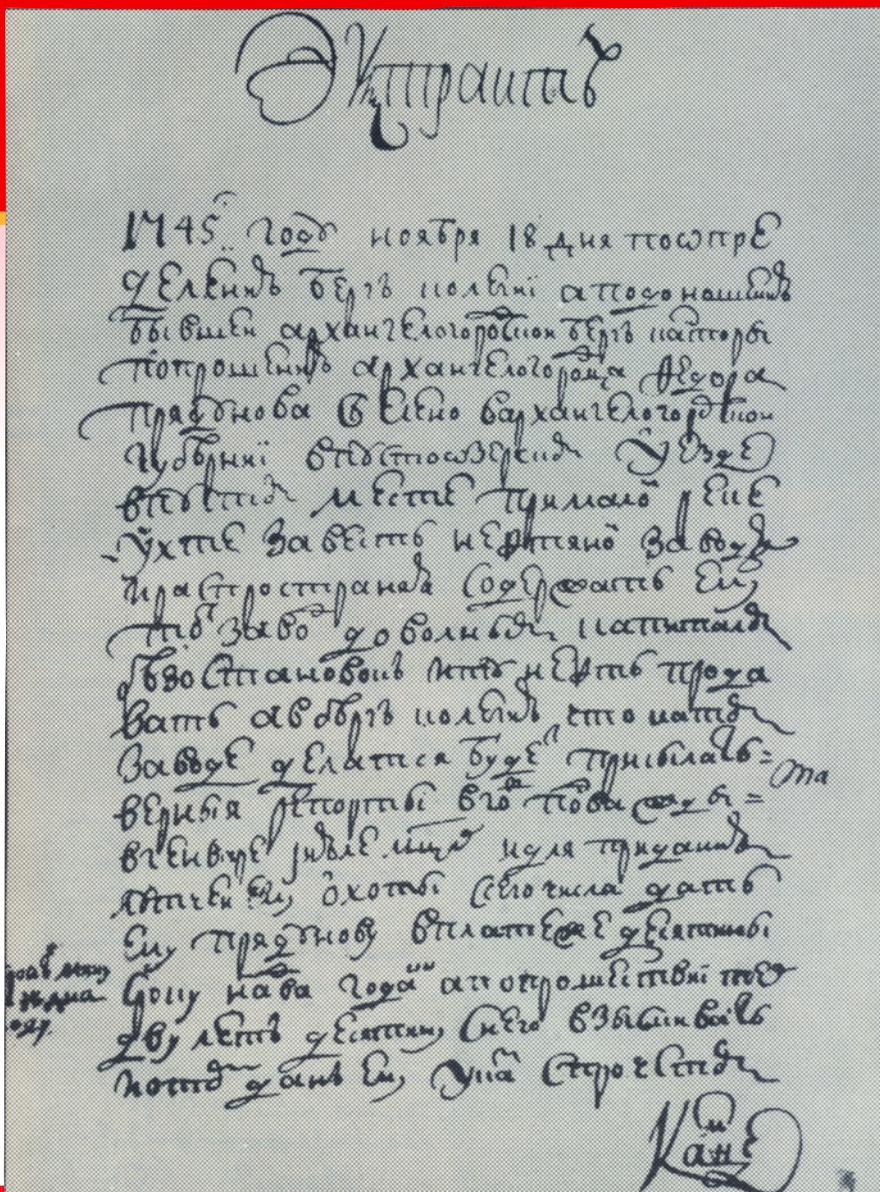
Экстракт (краткая справка) об основании архангелогородцем Федором Савельевичем Прядуновым на реке Ухте нефтяного завода, 18 ноября 1745 года.

канцелярии предложение взять медеплавильный в приват.

Медные запасы вблизи завода истощились, предприятие было заведомо убыточным, но Прядунов предложение отвергать не стал. Мелькнула шальная мысль: а не приспособить ли медеплавильный для перегонки нефти?

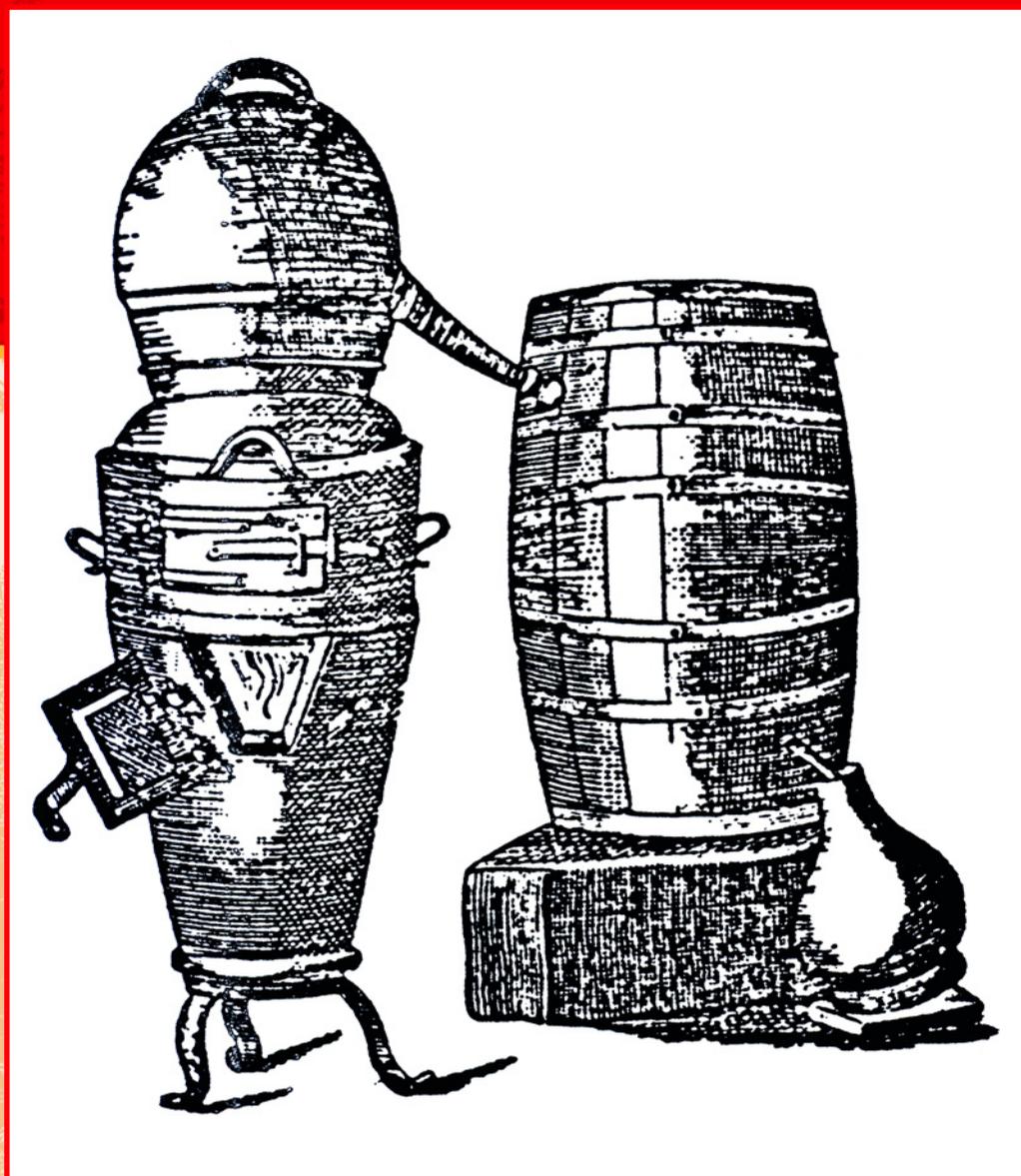
По осени на Ухту ехать было бессмысленно, северные реки стояли подо льдом, и работы были невозможны, поэтому Прядуновы, с Федором Савельевичем поехал и его младший сын Степан, в путь отправились весной. Цель этой экспедиции: убедиться, насколько стоящее дело, много ли нефти можно получить, что из рухляди и утвари нужно везти с собой, а что можно приобрести или изготовить на месте, сколько работников подрядить у зырян, чтобы обустроить промысел.

Проведя все необходимые подготовительные работы для организации нефтяного промысла, Прядунов вернулся в Архангельск, и подал в губернскую берг-контору прошение

К концу лета 1747 г., когда накопилось 40 пудов нефти, Прядуновы доставили ее в Архангельск, где их ждал малоприятный «сюрприз»: сбыть нефть, тем более в таком количестве, а по тем временам оно оказалось огромным, в этом городе невозможно и единственный выход – везти товар в Москву.

Нефтяной завод Прядунова на реке Ухте. Реконструкция.

Установка для перегонки нефти. Рисунок из «Encyclopaedia of britannica». 1797 г.

о содействии правительства в заведении нового предприятия и полагающемся при этом освобождении от налогов.

В ожидании ответа из Санкт-Петербурга, куда было передано дело для решения, Прядунов занялся медеплавильным заводом, ради которого, собственно, и задумал завести нефтяной промысел. Привезенные из Ухты образцы нефти, по совету аптекаря, Федор Савельевич направил для изучения в Гамбург – физику Лосау и доктору Миллеру: стоит ли вообще заниматься «двоением» нефти, и будет ли это дело приносить прибыль.

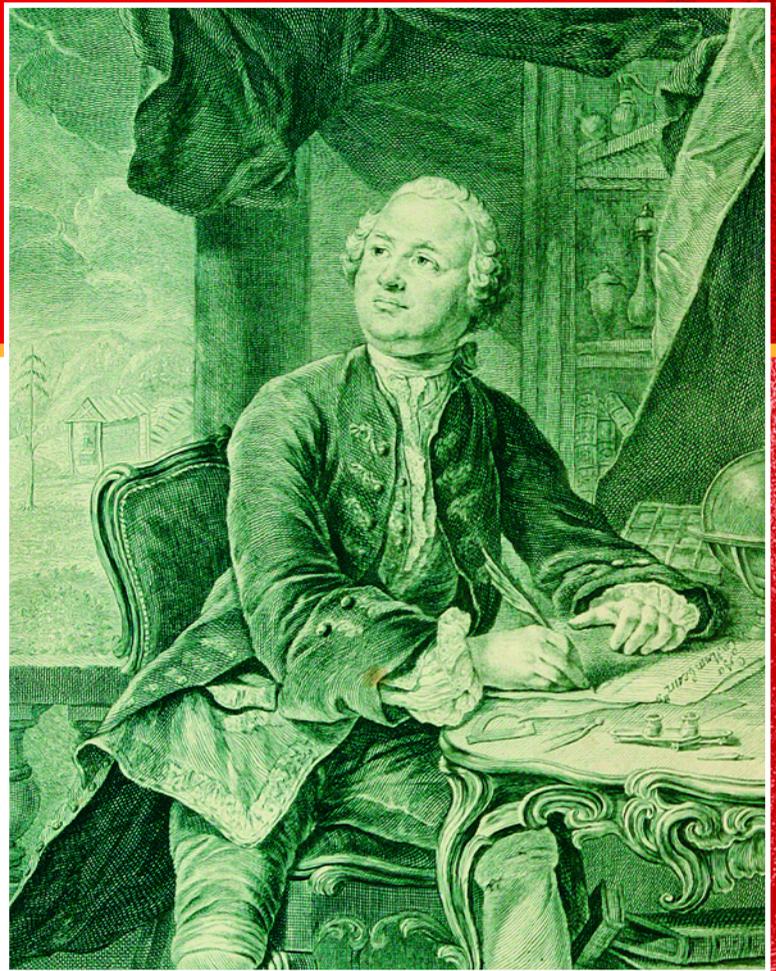
Ответ на прошение из государственной Берг-конторы, полученный в конце 1745 года, был удовлетворительным: «1745 году ноября 18 дня по определению Берг-коллегии,

а по доношению бывшей архангелогородской берг-канторы, по прошению архангелогородца Федора Прядунова велено в Архангелогородской губернии в Пустозерском уезде в пустом месте при малой реке Ухте завести нефтяной завод...» (Слово «завод» в данном случае надо понимать как «заведение», «дело» – Прим. автора).

Весной следующего года вместе с несколькими работниками, нанятыми из оленеводов Ижемской слободки, Прядунов добирается до Ухты и заканчивает начатое еще в первую экспедицию обустройство промысла. Для этого ставится «двор ветхой» с жилой избой, баней и сараем, изготавливаются лодки, полубочье, бочки, нефтяные ковши, ушаты и прочая необходимая утварь. А вскоре приступили и непосредственно к нефте-

Прижизненное изображение
Михаила Васильевича Ломоносова.
Гравюра Э. Фессара и К.А. Вортмана.

Михаил Васильевич Ломоносов в своей лаборатории исследовал доставленные Прядуновым с реки Ухты образцы и на этом материале создал первую теорию органического происхождения нефти.

добыче. Процесс был несложен: работники берестяной ложкой черпали нефть из сруба и заполняли ею бочки.

Имеется следующее описание нефтяного завода Прядунова, оставленное русским академиком Иваном Ивановичем Лепехиным, посетившим эти места с географическими, этнографическими и ботаническими целями: «... над самым нефтяным ключом, посредине бьющим, построен был четырехугольный сруб вышиною в тринадцать рядов, из коих шесть загружены были на дно, а прочие на поверхности воды находились. Внутри сруба поставлен был узкодонный чан, который истекающую из воды нефть впускал в себя отверстием дна; от быстроты текущей воды защищал его поставленный с одной стороны водорез».

К концу лета 1747 года, когда накопилось 40 пудов нефти, Прядуновы доставили ее в Архангельск, где их ждал малоприятный «сюрприз»: сбить нефть, тем более в таком количестве, а по тем временам оно оказалось огромным, в этом городе невозможно и единственный выход – везти товар в Москву.

Но туда удалось попасть лишь 2 марта следующего, 1748 года, о чем он в тот же день подает доношение в Берг-коллегию, по решению которой испытания и перегонка ухтинской нефти были поручены лаборатории Х. Леймана.

В XVIII веке о способах перегонки нефти в России было известно уже достаточно

Первая весть, с севера, была плохой – нефтяной завод на Ухте снесло вешними водами и ледоходом. Другая, напротив, Прядунову еще и помогла. Из Архангельска в Москву был переслан ответ из Гамбурга, в котором немецкие ученые высоко оценивали свойства ухтинской нефти. Письмо это подняло авторитет нефtezаводчика, и Берг-коллегия отходотайствовала его у Медицинской канцелярии, правда, на довольно кабальных для последнего условиях, обязав доставлять всю добытую на севере нефть в Московскую Главную аптеку.

Промышленник Михаил Константинович Сидоров, на короткое время возродивший прядуновский «нефтезавод» в XIX веке.

много. В статье «О нефти», напечатанной в 1739 году в «Примечаниях к Ведомостям» дается следующее описание: *«Искусством масленоватую матерю одно или с водой только всегда теплотою от масляной материи отделяют в холодный сосуд, где она простынувши легкость свою оставляет и на подобие густова масла садится».* Подробные способы перегонки нефти описывались и в русских лечебниках, причем, начиная еще с XV века.

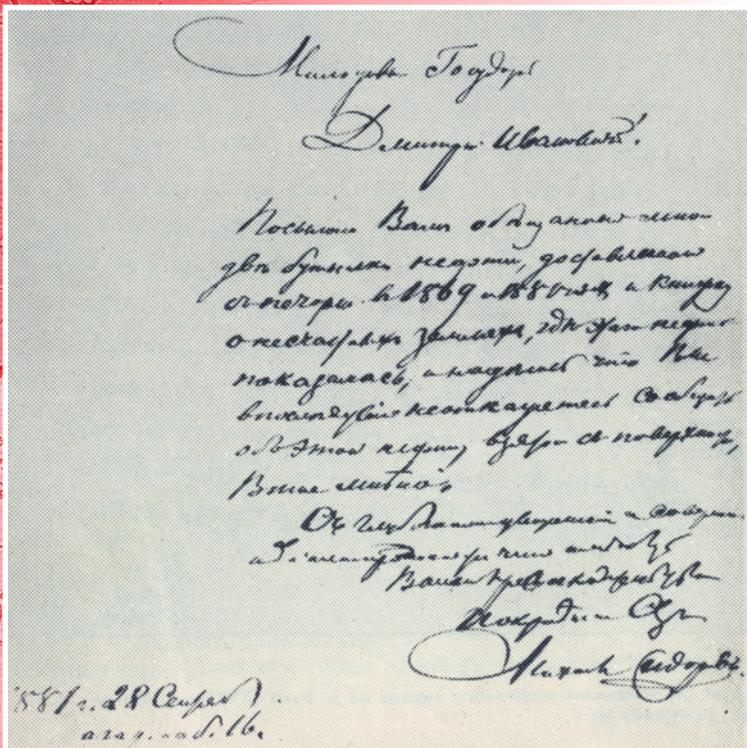
Для «передваивания», как тогда говорили, использовалась та же установка, что и для получения масел и одколонов. (Подобный перегонный аппарат XVII века можно увидеть в краеведческом музее Ярославля). Можно предположить, что именно этим способом и была переработана доставленная Прядуновым нефть, так как при определении ее стоимости – в перечне расходов на добычу и переработку значились и расходы на «уголье». В тех же документах Берг-коллегии указан и выход керосиноподобного продукта – из 40 пудов чистой нефти его вышло две трети или 26 пудов.

По мере готовности Прядунов лично продавал ее в качестве лекарства в Китай-городе, у Троицы на рву. Несмотря на разъяснения, как и от каких болезней можно лечиться нефтью, товар расходился худо. Два пуда по 30 рублей за пуд пожелала купить конюшенная канцелярия для смазки колес, остальное же пришлось разносить по дворам, продавая по 50 копеек за фунт. В иные дни торговля шла бойчее и удавалось выручить до рубля, но такое случалось нечасто.

Закончилась все и вовсе печально. То ли от нового лекарства, то ли по другой причине, но один из знатных «пациентов» Прядунова едва не помер, и Главная Медицинская канцелярия подала на него жалобу в Правительственный Сенат, который своим указом запретил *«производить более в действие сию новую неиспытанного площадного лекаря врачебную практику»*, сам же он попал *«под караул без выпуску»*.

С этими событиями совпало и получение двух разных вестей. Первая, с севера, была

Внизу: Письмо М.К.Сидорова Д.И.Менделееву об ухтинской нефти, 28 сентября 1881 г.

Буровая установка частных предпринимателей на реке Ухте. Фотография 1908 года. Из фондов музея горно-нефтяного техникума, Ухта, Республика Коми.

плохой – нефтяной завод на Ухте снесло внешними водами и ледоходом. Другая, напротив, Прядунува еще и помогла. Из Архангельска в Москву был переслан ответ из Гамбурга, в котором немецкие ученые высоко оценивали свойства ухтинской нефти. Письмо это подняло авторитет нефtezаводчика, и Берг-коллегия отходотайствовала его у Медицинской канцелярии, правда, на довольно кабальных для последнего условиях, обязав доставлять всю добытую на севере нефть в Московскую Главную аптеку.

Спустя год Прядунув привез в Москву, как и было предписано, еще 22 пуда нефти. Но и во второй раз его ждали в златоглавой злключения, неудачи и долговая тюрьма, куда он угодил теперь уже за неуплату налогов – десятины. Нужных для этого 35 рублей 23 копеек не нашлось. Подаренные еще Анной Иоанновной деньги, вложенные в нефтяное дело на реке Ухте, достатка Федору Прядунува так и не принесли.

Последнего злключения он, молодой уже человек не выдержал.

В тюрьме тяжело заболел и, чувствуя приближение смерти, обратился с прошением в Берг-коллегию о выдаче паспортов на жену Федосью Сергеевну и дочерей Анисью и Матрену, чтобы повидаться с родными в последний раз. Но пока выправлялись документы, архангельский рудознавец Федор Савельев сын Прядунув отдал богу душу.

Произошло это в марте 1752 года.

После смерти первого российского нефtezаводчика промысел на реке Ухте пытались вести вологодские и яренские купцы. Так, в архивах Яренской воеводской канцелярии сохранилось донесение, что в 1757-1767 годах на Ухте было добыто 156,3 пуда нефти. В 1782 году неф-

тяной завод прекратил свое существование. Деревянные постройки разрушились, берега реки вновь покрылись непроходимыми зарослями ивняка, ельником и черемухой, а спустя двадцать лет безжалостное время и вовсе стерло его следы. *«От сего строения теперь уже никаких остатков нет; одна только нефть плавающая по воде, наподобие смолы, оставила память оного»* (Иван Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства).

В общей сложности за время существования промысла было получено 220 пудов нефти. Это примерно треть того, что использовала Россия за весь восемнадцатый век.

Сто лет спустя добычей нефти на Ухте заинтересовался земляк Прядунува, промышленник Михаил Константинович. В архиве Российской академии наук сохранились два документа: «Ежедневный журнал на разработку и углубление нефтяного колодца на реке Ухта М.К. Сидоровым летом 1868 года» и «Журнал об успехе буровых разведочных работ колодца М.К.Сидорова в 1872 году». Привлекал он к экспертизе нефти также Дмитрия Ивановича Менделеева, отзыв которого, к сожалению, не обнаружен. Известны попытки добычи на Ухте нефти в начале XX века, но регулярной она станет лишь в 1930-е годы.

Сто лет спустя, добычей нефти на Ухте заинтересовался земляк Прядунува, купец Михаил Константинович Сидоров. В архиве Российской академии наук сохранились два документа: «Ежедневный журнал на разработку и углубление нефтяного колодца на реке Ухта М.К.Сидоровым летом 1868 года» и «Журнал об успехе буровых разведочных работ колодца М.К.Сидорова в 1872 году».